дальше и говорит, что логика, о которой шла речь, «еще не существует» (Bd. 5. S. 269). И о диалектике в таком значении он не пишет ни в произведениях того времени, ни в более поздних сочинениях. Значит, эти высказывания правомерно отнести к Гегелю, ибо их смысл и терминология прямо возникают из гегелевской ранней логики. Конечная рефлексия пытается в отношениях конечных определений имитировать разум и его познание абсолютного тождества. Диалектика указывает на противоречия, имманентные этим отношениям. Уничтожая в конечных определениях и их отношениях претензию на значимость, она одновременно обретает отношение к спекуляции.

[40] *Hegel.* Gesammelte Werke. Bd. 7. S. 127.

ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТРУДАХ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА

А. Ф. Грязнов

В этом году исполняется сто лет со дня рождения австрийского философа Людвига Витгенштейна (1889—1951), одного из крупнейших мыслителей XX в.

Рукопись под названием «Лекция об этике» представляет собой подготовительный материал, использованный Витгенштейном для одного из выступлений в Кембриджском университете в 1929 или 1930 г. Хотя она написана на английском языке, в ней заметны грамматические конструкции родного автору немецкого языка. Впервые данная рукопись была опубликована в 1965 г.[1]

«Лекция об этике» прежде всего интересна читателю тем обстоятельством, что очень характерна для времени, когда во взглядах Витгенштейна на различные философские и мировоззренческие вопросы происходили существенные перемены. В этом плане «Лекция» сопоставима с двумя другими текстами переходного периода, а именно с «Некоторыми замечаниями о логической форме» (1929) и «Философскими заметками» (1930). Что же касается собственно этической проблематики, то интерес к ней сложился у Витгенштейна задолго до «Лекции». Одним из важнейших источников его этической позиции явилась венская литературно-эстетическая критика (К. Краус и др.), в центре которой стояла проблема различения подлинных произведений искусства, как бы находящихся в «этическом измерении», и утилитарных произведений, обладающих лишь фактическим содержанием. Большое влияние оказали на Витгенштейна идеи таких мыслителей, как С. Киркегор и А. Шопенгауэр, которые в начале XX в. стали весьма популярны в среде австрийской интеллигенции. С другой стороны, Витгенштейну импонировало мировосприятие таких поэтов, как Р. М. Рильке, Г. фон Гофмансталь и Г. Тракль, у которых он мог уловить близкое ему «удивление по поводу существования мира». Витгенштейна глубоко поразило также умение Л. Н. Толстого передавать важное моральное содержание не в пространных

словесных наставлениях, а путем показа действительно добродетельных поступков и решений людей. С творчеством великого русского писателя Витгенштейну удалось познакомиться во время первой мировой войны.

В витгенштейновских «Дневниках 1914—1916 годов» этическая проблематика концетрируется вокруг понятия воли, которую он интерпретирует как взгляд субъекта на «мир» снаружи, с «точки зрения вечности». Воля оказывается тем, что придает осмысленность всем вещам (15.10.1916). В «Логико-философском трактате» (1921) эти идеи приобретают достаточно строгий характер, согласуясь с витгенштейновской метафизикой языка (*«Границы моего языка* означают границы моего мира»). Отождествив структуру языка (выражающего «объективные» мысли) и мир фактов, он допустил в языке лишь один вид осмысленных предложений-образов — предложения естествознания. Все логические предложения (т. е. тавтологии и противоречия) трактовались как *лишенные смысла*; их задача заключалась в «показе» структурных особенностей мира. За пределами языка (и мира) оказывались этические, а также эстетические, религиозные и метафизические утверждения, которые, будучи сформулированными в языке, неизбежно порождали «бессмысленное», ибо не отражали «факты». Сфера невыразимого, как известно, называлась Витгенштейном «мистическим». Способность «выхода» за пределы языка он оценивал очень высоко, считая, что лишь такой путь позволяет нам правильно видеть мир в целом. И в этом плане отнюдь не шуткой представляются слова Витгенштейна из письма к его издателю: «Моя работа состоит из двух частей: той, что представлена здесь, плюс все то, что я не написал. И именно эта вторая часть является наиболее важной» [2].

В публикуемом тексте сохраняются некоторые установки ранней этической позиции австрийского философа, однако здесь появляется и ряд новых моментов, а также во многом изменяется сам стиль философского рассуждения, способ аргументации. Примечательно то, что Витгенштейн резко протестует против отнесения его лекции к научно-популярному жанру, собираясь говорить о том, что важно и ценно для него самого, надеясь на взаимопонимание со слушателями. Рассуждения на последних страницах текста вообще приобретают сугубо личностный оттенок (например, описание переживания того, что называют «чудом»). Подобная лекция не предназначена для пассивного и беспристрастного усвоения информации.

Как и в «Трактате», Витгенштейн обсуждает широкую мировоззренческую проблематику, включающую не только этику, но и эстетику и религию. Вместе с тем для выявления специфики этой мировоззренческой сферы он использует новый прием, предполагающий приведение синонимичных лингвистических примеров, последовательное рассмотрение которых и должно без каких-либо объяснений вызвать у слушателей *понимание* того, что есть этика. «Поздний» Витгенштейн уже остерегается искать *сущность*

этического, сознательно ограничиваясь цепью примеров, находящихся в определенной взаимосвязи (это своеобразное предвосхищение его будущего метода выявления «семейных сходств»).

В центре рассмотрения оказываются два смысла употребления этических терминов — относительный и абсолютный. Слушателям предлагаются примеры совершенно различной, как считает Витгенштейн, функциональной роли некоторой оценки («плохо»). Однако многие чисто фактические суждения об относительной ценности выглядят так, как если бы ими описывалась «абсолютная ценность». Это порождает всевозможные лингвистические заблуждения, устранимые лишь с помощью кропотливого анализа грамматических правил естественного языка [3]. В ряде случаев, по Витгенштейну, достаточно простой переформулировки, чтобы увидеть, что фактические суждения не имеют отношения к ценностям в абсолютном смысле. Рассуждая подобным образом, он уже приближается к пониманию задачи своей философии как «терапии» заблуждений, порождаемых самой языковой практикой. Можно обнаружить в «Лекции» и образцы «мысленных экспериментов», которые затем в обилии будут встречаться в текстах 30 и 40-х годов. Это и забавный случай «человека с головой льва», и особенно любопытный «опыт» написания книги гипотетической всеведущей личностью. Такая книга, согласно Витгенштейну, включала бы только факты, но не ценности. Книга об абсолютных ценностях в этом смысле явилась бы «анти-книгой», способной уничтожить все другие книги.

Поскольку абсолютное этическое содержание признается им невыразимым, Витгенштейн предлагает попытаться вообразить те чувства, которые мы испытываем, постигая ценности. Это, по его мнению, во-первых, удивление по поводу существования мира, и, во-вторых, переживание состояния абсолютной безопасности. Принципиальная невыразимость данных чувств объясняется тем, что по отношению к ним нельзя представить и правильно сформулировать нечто противоположное (так, нельзя представить несуществование мира). Все это подчеркивает их нефактический, «внемировой» характер [4].

Любые предложения, с помощью которых пытаются выразить этическое или религиозное содержание, Витгенштейн теперь считает неправильными не только потому, что они не отражают фактов, но и потому, что в них происходит подмена абсолютной ценности ценностью относительной. В распоряжении субъекта остаются только «молчание» и действие. Даже трактовка этических понятий как аллегорий или сравнений не устраивает австрийского философа: значение слова «хороший» во фразе «хороший человек» диаметрально противоположно значению этого слова во фразе «хороший футболист». Витгенштейн в дальнейшем попытался объяснить такое различие с помощью своей новой — функциональной — концепции значения (включающей знаменитое понятие «языковой игры»). Публикуемая «Лекция об этике» в целом служит наглядным свидетельством тех изменений, которые претерпевает его учение на рубеже 30-х годов.

[1] Philos. Rev. N. Y., 1965. Vol. 71, N 1 (409). P. 3—12. Мой перевод осуществлен по этому изданию и сверен с оригиналом Н. С. Юлиной.
[2] *Wittgenstein L.* Prototractatus. Ithaca, 1971. P. 16.
[3] Речь идет не о грамматике в традиционном смысле слова, а о том, что австрийский мыслитель впоследствии назовет «глубинной грамматикой», т. е. о многообразии употреблений слов и словосочетаний.
[4] Напомним в связи с этим один афоризм «Трактата»: «Существование или несуществование атомарных фактов есть действительность. (Существование атомарных фактов мы также называем положительным фактом, несуществование отрицательным)» [2.06].

Л. ВИТГЕНШТЕЙН

ЛЕКЦИЯ ОБ ЭТИКЕ (1929 или 1930 г.)

Прежде чем начать говорить непосредственно по теме моего выступления, позвольте сделать несколько вводных замечаний. Я предчувствую, что у меня возникнут немалые затруднения в изложении своих мыслей, и потому полагаю, что некоторые из трудностей можно устранить, если упомянуть о них заранее. Первая из них та (впрочем, о ней я мог бы и не упоминать), что английский не является моим родным языком, и поэтому моей форме выражения недостает точности и утонченности, которая желательна, когда говорят на сложную тему. Все, что я могу сделать, — это попросить вас облегчить мою задачу и попытаться понять смысл, несмотря на нарушения английской грамматики, которые я наверняка буду постоянно допускать. Вторая трудность, которую упомяну, состоит в том, что, вероятно, многие из вас пришли на эту лекцию движимые не совсем адекватными ожиданиями. Для того чтобы правильно ориентировать вас в данном отношении, скажу несколько слов о причине выбора мною данной темы. Когда прежний секретарь оказал мне честь, предложив выступить с докладом перед вашим обществом (обществом «Еретики» Кембриджского университета. — *А. Г.*), то моя первая мысль была — я обязательно сделаю это, а вторая — если у меня окажется подобная возможность, то это будет тема, о которой мне самому интересно говорить. Не стану, однако, злоупотреблять данной возможностью и читать лекцию, скажем, по логике. Я говорю «злоупотреблять», ибо для объяснения чисто научного вопроса потребуется целый курс лекций, а не часовой доклад. Другой альтернативой было бы прочитать лекцию, которую обычно называют научно-популярной, а именно лекцию, предназначенную для убеждения вас в понимании того, чего вы на самом деле не понимаете, и также для удовлетворения того, что я считаю одним из самых низменных желаний современных людей, — противоестественного любопытства в отношении последних научных открытий. Я отверг данные альтернативы и решил побеседовать с вами на тему, которая мне представляется в целом важной, надеясь